

А.П. ЕРМИЛОВ

ПОЧЕМУ СОВЕТСКИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ БЫЛИ НЕВОСПРИИМЧИВЫ К ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМ ИННОВАЦИЯМ

Аннотация. Содержание советской экономической системы 1960–1980-х годов характеризуется как государственный капитализм. Однако это не может объяснить многих важных свойств этой системы, и прежде всего — неспособность к массовому внедрению новых технологий, в противоположность капитализму классическому. В статье предпринята попытка выявить специфическую особенность советского общества, которая повлияла на эффективность государственно-капиталистических институтов. Таковой мы считаем псевдосоциалистическую форму, в которую советское государство было вынуждено их облекать. Потому сущность советской экономики следует определять как «извращенный государственный капитализм». Стремление придать государственно-капиталистическим отношениям социалистическую форму извращало и выхолащивало их содержание, то есть существенно снижало эффективность. Это привело к искажению и ослаблению капиталистических мотиваций основных экономических субъектов — номенклатуры и рабочих. В итоге советская экономика превратилась в совокупность устойчиво неэффективных институтов, не способных обеспечить ускоренное инновационное развитие.

Ключевые слова: способ производства; советские социальные институты; технологические инновации; государственный капитализм; сущность социализма; рынок труда при социализме; советская бюрократия (номенклатура); система привилегий; мотивация советской номенклатуры; безработица; мотивация труда.

Для цитирования: Ермилов А.П. Почему советские социальные институты были невосприимчивы к технологическим инновациям // Социологический журнал. 2017. Том 23. № 1. С. 111–125. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.1.5004

Ермилов Алексей Петрович — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, профессор, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук.

Адрес: 630090, Новосибирск, просп. Академика М.А. Лаврентьева, д. 17.

Телефон: +7 (913) 787-22-73. **Электронная почта:** ermilov_ap@rambler.ru

С момента распада Советского Союза прошла четверть века, и многие авторы сетуют на отсутствие должного прогресса исследований советской экономической системы. В частности, по мнению В. Межуева, «вопрос, чем является социализм, остается открытым» [6, с. 216]; И.Б. Чубайс предлагает «...разобраться еще в одном запутанном вопросе — что же такое социализм» [10, с. 181]; М.И. Воейков считает, что «...четких представлений о старой социально-экономической системе и новой в научном понимании пока нет. Кроме самых общих, весьма приблизительных очертаний старой и новой систем ничего определенного в нашей обществоведческой литературе нет. Даже в лучшей литературе на эту тему можно обнаружить много приблизительных и наивных оценок» [1, с. 80].

Между тем глубокое понимание советской системы крайне необходимо для развития отечественной общественной науки. Как справедливо отмечает А.И. Фурсов, «...без теоретического осмысления того строя, который просуществовал почти семь десятков лет в виде СССР, невозможно до конца понять ни русскую историю в целом, ни мировую реальность XX в., ни постсоветский социум, поскольку он является результатом разложения “реального социализма”...» [9, с. 82]. Постараемся выделить и объяснить некоторые фундаментальные особенности советской экономической системы. При этом мы будем опираться на классическую концепцию общественно-экономических формаций и лежащую в ее основе теорию способов производства.

Экономическая теория выделяет три формы хозяйства общества (экономики): натуральное, товарное и плановое. В каждой из них функционируют собственные способы производства. В товарном хозяйстве — это рабовладельческий, капиталистический и простой (мелкий) способы производства. Первые два в определенных условиях формируют соответствующие общественно-экономические формации. Последний — простое товарное производство — выступает в качестве уклада, то есть носит подчиненный характер в каждой из них, а также может иметь место и в экономиках, основанных на плановом хозяйстве. Такую же роль выполняет и натуральный способ производства.

По аналогии с товарным хозяйством можно выделить и способы производства планового хозяйства. Мы выделили следующие их типы: плановый рабовладельческий (азиатский способ производства), плановый капиталистический (государственный капитализм) и плановый социалистический [3, с. 97–105]. Данные способы производства лежат в основе соответствующих общественно-экономических формаций: «азиатской», государственно-капиталистической и социалистической. Как известно, классики выделяли и исследовали первую и последнюю из названных формаций. На наш взгляд, необходимость выделения го-

сударственно-капиталистической формации подтверждается не только теоретической логикой, но и тем, что многие современные общества в своем развитии существенно продвинулись в ее направлении.

В истории советской экономики необходимо выделять как минимум два периода: 1920–1950-е и 1960–1980-е годы. По нашему мнению, в первом периоде в ее основе лежал «азиатский способ производства» (государственно-рабовладельческий, «восточный деспотизм»), во втором — государственно-капиталистический. Ряд особенностей советского способа производства 1960–1980-х годов потребовали его определения не как «чистого», а как «извращенного государственного капитализма» [2, с. 110–112]. Попытаемся описать природу данного «извращения» и его влияние на функционирование советских экономических институтов.

Превращение советской экономики 1960–1980-х годов в государственный капитализм

Мы выделяем два базовых признака государственно-капиталистического способа производства: 1) преобладающая часть средств производства принадлежит государству (государственной бюрократии, номенклатуре); 2) члены общества (народ) обладают определенным уровнем личной свободы. В частности, они имеют право выбора профессии, места работы, места проживания, но при этом и отделены от средств производства. В такой ситуации единственным возможным методом привлечения работников (народа) на государственные предприятия становится купля-продажа рабочей силы, то есть рынок труда.

Советское государство являлось собственником преобладающей части средств производства народного хозяйства на протяжении всей своей истории. При этом механизмы вовлечения в процесс производства работников (народа) в двух выделенных периодах были существенно различны. В первом (1920–1950-е гг.) экономика строилась на прямом подчинении общества государству, личной зависимости членов общества от государства; во втором (1960–1980-е гг.) произошло существенное ослабление этой зависимости, что позволяет говорить о возникновении рынка труда.

Для подтверждения последнего тезиса рассмотрим следующие факты. 1960-е годы характеризуются как годы «оттепели», то есть ослабления жестких, зачастую основанных на насилии рычагов государственного управления. Необходимость снижения градуса насилия в обществе была осознана пришедшими к власти высшими руководителями страны. Уже в конце 1950-х годов советские крестьяне получили паспорта, а вместе с этим и права более свободного трудоустройства и передвижения по стране. В середине 1960-х осуществляется попытка реформирования экономики (так называемая «косыгинская реформа»), которая впервые провозгласила в качестве основной цели повышение жизненного уровня народа и во главу угла поставила децентра-

лизацию системы управления посредством усиления экономической самостоятельности предприятий. В официальный экономический лексикон вернулись такие термины, как «прибыль», «рентабельность», «материальное стимулирование». В политэкономии социализма даже возникли теории, обосновывающие «товарный» характер производства и необходимость рынка труда при социализме.

Было очевидно, что развитие экономики возможно только на новой технической основе или, как говорилось в то время, «на основе внедрения достижений научно-технического прогресса» (НТП). Для подготовки соответствующих специалистов была развернута система высшего и среднего специального образования. Страна перешла на всеобщее среднее образование. Была создана мощная научная отрасль. Научные достижения стали рассматриваться как важная основа и свидетельство социального лидерства. Стремление реализовать лозунг «догнать и перегнать» Запад потребовало огромных человеческих и финансовых затрат.

Как известно, на Западе индустриализация высвободила работников от феодальной зависимости посредством буржуазных революций. В СССР первые этапы индустриализации в 1920–1930-е годы в силу определенных исторических условий осуществлялись на основе мобилизационных механизмов, то есть установления личной зависимости работников от государства. В 1940-х и первой половине 1950-х годов эти механизмы только усиливались. Однако к концу этого периода они существенно исчерпали свои возможности — препятствовали массовому «внедрению достижений НТП» (на сегодняшнем языке — «инновационному развитию», «модернизации»).

Процесс замены этого механизма начался лишь в 1960-е годы, для чего необходимо было изменить мобилизационный подход и привлечь квалифицированную и соответствующим образом мотивированную рабочую силу. На первый план в социальной политике КПСС вышли наука, образование, а также воссоздание и укрепление личных свобод граждан. Все это потребовало существенного развития социальной сферы (бесплатные здравоохранение, образование, жилье и т. п.). По мере движения в этом направлении изменялась и природа способа производства, лежащего в основе советской экономики: из государственно-рабовладельческого («азиатского») он превращался в государственно-капиталистический. Таким образом, содержанием советской экономики 1960–1980-х годов стал государственный капитализм.

Аналогичной точки зрения придерживаются многие исследователи, использующие подчас различную аргументацию. В частности, по логике А.Н. Медушевского, «объективной целью коммунистической революции становится создание современного индустриального общества. Поэтому суть порождаемого ею режима есть специфическая форма государственного капитализма» [5, с. 40].

**Извращенный характер советского государственного капитализма:
сущность, причины, последствия**

Выявленное содержание — важная, но не единственная сторона исследуемого объекта. Одна из методологических установок гносеологии состоит в необходимости исследования явлений действительности со стороны как содержания, так и формы. «Мудрость заключается в том, — считает известный отечественный философ А.Г. Спиркин, — чтобы не упускать из виду ни содержательную сторону объекта, ни формальную» [8, с. 278]. Продолжим анализ содержания советской системы рассмотрением ее формы.

По нашему мнению, именно несоответствие формы и содержания советской экономической системы явилось фундаментальной основой всех ее принципиальных недостатков. Специфические, сущностные особенности советского государственно-капиталистического способа производства возникли в результате навязывания ему внешней псевдосоциалистической формы. Советское общество возникло не спонтанно, а было создано в процессе реализации определенного социального проекта. Разработчиками этого проекта выступала идеологическая верхушка бюрократии, организаторами — ее средние и нижние слои, исполнителями — народ. Главной, широко распропагандированной целью проекта было построение социализма (и далее — коммунизма). Эта цель выступала и главным аргументом при обосновании необходимости советской системы, легитимизации (общественной поддержки) советского государства. При этом, к сожалению, представления о сущности социалистического общества были, по-видимому, еще более туманными, чем в настоящее время. Они сводились к некоторым общим условиям: 1) наличию общественной собственности (и, соответственно, ликвидации частной собственности); 2) экономическому равенству граждан; 3) политической свободе и независимости; 4) контролю трудящихся над средствами производства («земля — крестьянам, фабрики — рабочим»).

Построение социалистического общества предполагало и построение соответствующей экономической системы. По замыслу разработчиков, она должна была принципиально отличаться от своих предшественниц, и в первую очередь — от капитализма. Как пелось в одной из революционных песен: «Мы наш, мы новый мир построим!». Была поставлена задача разрушения старой — капиталистической — и создания новой — социалистической — системы экономических отношений, четких представлений о которой не было. Однако перед советским государством стояла еще и проблема выживания, требовавшая осуществления индустриализации страны. По этой причине чистота экспериментов по созданию социалистических отношений, по-видимому, стала отходить на второй план. В реальную экономическую жизнь внедрялись самые разнообразные экономические отношения, в том числе рабов-

ладельческие и буржуазные. Как справедливо отмечает Ю.А. Красин, «исторический опыт доказал, что социализм не может быть результатом разрушения “до основания” старого общества и построения затем нового с “чистого листа”, по умозрительной схеме. Мера реализуемости социалистических ценностей в конечном счете определяется достигнутыми обществом рубежами естественного развития — социально-экономического, политического, культурного» [4, с. 178].

Таким образом, система экономических отношений, созданная к началу 1930-х годов в СССР, была призвана отвечать на имеющиеся вызовы реальной жизни и не являлась результатом чистого внедрения идей научного коммунизма. Соответственно, реальная экономическая система, возникшая в процессе «социалистического строительства», существенно отклонялась от заявленной цели. Однако отказ от этой цели неизбежно поставил бы вопрос о легитимности советского государства. Поэтому советская бюрократия использовала практику придания любым внедрявшимся механизмам экономического взаимодействия социалистической формы. Таким образом, содержание советской экономики определялось потребностями экономического развития, в то время как ее форма — необходимостью поддержки советской идеологии. В результате псевдосоциалистическая форма советской экономики была оторвана от ее государственно-капиталистического содержания. И этот отрыв не мог не оказать своего негативного влияния на качество советских экономических отношений и институтов.

На наш взгляд, навязывание функционирующим государственно-капиталистическим институтам противоречащей им псевдосоциалистической формы — важнейшая особенность советской экономической системы. Именно она определила специфику и уникальность советских экономических отношений. В результате советские экономические государственно-капиталистические институты вынуждены были действовать под личиной институтов социалистических, то есть формально «переворачивать», «извращать» свое содержание. По этой причине не правильно характеризовать советскую систему 1960–1980-х годов как простой, «чистый» государственный капитализм. Характеристика советской системы должна отразить не только ее капиталистическое содержание, но приведшее к его искажению стремление придать этому содержанию псевдосоциалистическую форму. По нашему мнению, более точное определение сущности советского способа производства в исследуемом периоде — «извращенный государственный капитализм».

Некорректность отнесения советской системы к «чистому» государственному капитализму подтверждается проявлением такого ее устойчивого свойства, как неспособность к инновационному развитию, массовому использованию новых технологий, предоставленных

научно-техническим прогрессом для модернизации производства. Как известно, классический капитализм всегда характеризовался высокой способностью к инновационному развитию. Этого следовало бы ожидать и от его государственной формы.

В чем причина того, что капиталистический по содержанию способ производства в советском варианте лишился своего главного качества — способности к инновационному развитию? Мы полагаем, что именно «извращенность» — придание псевдосоциалистической формы — привела к выхолащиванию отдельных государственно-капиталистических институтов и неспособности к инновациям советской экономики в целом.

Пытаясь придать капиталистическому по содержанию советскому способу производства противоречащую ему социалистическую форму, советская бюрократия на протяжении 1960—1980-х годов подрывала эффективность его функционирования. В итоге советская экономика предстала как совокупность устойчиво неэффективных институтов, замедлявших ее развитие. Сложившиеся экономические отношения были не в состоянии создать устойчивые и сильные мотивации экономических субъектов к совершенствованию производства. Рассмотрим далее эти причины более детально.

Институты распределения как средство разрушения капиталистических мотиваций советской бюрократии

Начнем с институтов, формировавших мотивации государственно-капиталистической бюрократии (номенклатуры). Как известно, классические капиталисты присваивают специфический результат производства — прибыль (остаточный доход). Стремясь увеличить прибыль, они заинтересованы в улучшении, повышении эффективности производства. Соответственно у них возникают мотивации и к внедрению достижений НТП. Аналогично и при государственном капитализме: коллективный капиталист (государственная бюрократия) получает в виде дохода всю прибыль, создаваемую обществом. Это делает данный класс заинтересованным в эффективном использовании ресурсов.

Иная ситуация сложилась в советской системе. Здесь государственная бюрократия, стремясь придать отношениям социалистическую форму, провозглашает народ собственником средств производства, а себя — одним из слоев общества, обслуживающих его интересы (вспомним популярный термин «слуги народа»). Соответственно, «слуги» должны быть встроены в систему распределения производственных доходов наравне с другими участниками процесса производства. При этом, исходя из социалистических принципов равенства, большого различия между доходами рабочих и представителей бюрократии быть не должно. И действительно, заработная плата директора среднего завода в 1970-е годы составляла примерно 500 руб. в месяц.

Средняя зарплата рабочих — примерно 300 руб., но высококвалифицированные рабочие могли получать 500 руб. и более, то есть на уровне директора завода. Так в системе заработной платы будто бы реализовывался принцип социалистического распределения. С этим можно было бы согласиться, если бы параллельно класс бюрократии не создал для себя еще один, дополнительный и основной источник формирования своих доходов, который в литературе называют «системой привилегий».

К «незарплатным» доходам партийно-хозяйственной бюрократии (номенклатуры) следует отнести: 1) целевые денежные вспомоществования (на восстановление здоровья, на отдых); 2) дефицитные товары по сниженным ценам из так называемых «спецраспределителей»; 3) бесплатные путевки для семейного отдыха на лучших курортах страны; 4) комфортное бесплатное жилье; 5) отдельное медицинское обслуживание (спецполиклиники); 6) персональные автомобили с водителями. Эти дополнительные, скрытые от общества источники доходов многократно превосходили их официальные «зарплатные» доходы. Таким образом советская бюрократия реализовывала свою позицию капиталиста — собственника средств производства в обществе.

Привилегии номенклатуры, в частности различного рода продовольственные «пайки», появились сразу после захвата власти большевиками. Как отмечает С.В. Яров: «Привилегии партийных и государственных чиновников стали предметом рассмотрения еще в 1917 г., но споры о них велись, как правило, келейно [12, с. 132]. По его мнению, «на системе пайков базировалась иерархия привилегий, скреплявших власть и служивших наградой за выражение политической лояльности [12, с. 140].

Главный источник благосостояния бюрократии, система привилегий формировала принципы распределения отнюдь не в соответствии с социалистическими установками. (Неслучайно факт наличия этих привилегий замалчивался от самого рождения советской власти вплоть до ее гибели.) Однако для нас важнее другое — что эта система разрушала капиталистические мотивации советской бюрократии. Доля привилегий, причитавшихся каждому конкретному бюрократу, определялась его статусом (рангом). Были разработаны четкая система ранжирования и строгий порядок доступа к системе привилегий. Увеличить долю получаемых привилегий советский бюрократ мог только в случае официального повышения его ранга. Причем эта доля не зависела от эффективности текущей деятельности бюрократа. Иными словами, доходы советской капиталистической бюрократии были оторваны от результатов производства и привязаны к социально-политическому статусу.

Таким образом, советский госкапитализм, введя институт привилегий, принципиально изменил, извратил мотивации господству-

ющего класса. В то время как интересы классических капиталистов напрямую связаны с эффективностью производства, интересы советских бюрократических капиталистов связаны с сохранением или повышением их собственного статуса в социально-политической системе и только косвенно могут быть притянуты к производству. Различия интересов и мотивов предопределили и различия в поведении этих агентов. Классический капиталист (предприниматель) вынужден активно изыскивать резервы для повышения эффективности производства, не чураясь конфликтов и рискованных предприятий. Оптимальная стратегия советского бюрократа — осторожное, бесконфликтное, безынициативное, не привлекающее лишнего внимание поведение. Любые резкие движения (в том числе усилия по модернизации производства) чреваты риском утраты статуса. Соответственно, ряды советской бюрократии пополнялись за счет людей, которым было свойственно подобное поведение. Происходил так называемый «отрицательный отбор».

Отсутствие у номенклатуры мотивации к активным самостоятельным действиям стало одной из причин неспособности советской экономики к массовому внедрению достижений НТП. Последнее возможно, когда большинство управленцев предпринимают самостоятельные шаги в этом направлении, не дожидаясь приказов, то есть модернизация производства идет «изнутри», благодаря заинтересованности в ней участников процесса. Оторванность интересов бюрократии от производства означала и отсутствие ее заинтересованности в его модернизации. Имевшихся у высшей бюрократии рычагов воздействия на ее средние и низшие уровни (несмотря на понимание важности проблемы и огромные усилия, приложенные для ее разрешения) было недостаточно, чтобы мотивировать последних к модернизации производства. Советская бюрократия оказалась неспособной осуществить этот процесс. Страна катастрофически отстала от передового мира.

Таким образом, советские институты формирования доходов класса бюрократии развели его интересы с интересами процесса производства. Официально главным источником доходов советской бюрократии была заработная плата, формировавшаяся в процессе производства на основе принципов, одинаковых для всех слоев общества. В действительности же таким источником выступали монопольно присвоенные привилегии, определяемые исходя из социального статуса бюрократа. Следовательно, доходы номенклатуры являлись функцией статуса, а не эффективности производственной деятельности. Внедренные в советскую государственно-капиталистическую систему институты формирования доходов номенклатуры («социалистическая» заработная плата и «сословная» система привилегий) изменили ее мотивации — от эффективности производства к укреплению собственного социального статуса. К тому же данный экономический субъект ли-

шился и характерных «капиталистических» качеств (погоня за прибылью и эффективностью, риск, самостоятельность, инициативность и т. п.). Другими словами, важнейшие капиталистические механизмы в советском экономическом варианте были выхолащены.

**Особенности разрушения (извращения)
капиталистического характера мотиваций
советского рабочего класса**

«Правила игры» на советском рынке труда задавались бюрократией и, следовательно, соответствовали ее интересам, которые, как мы выяснили, были оторванными от интересов производства. Последнее побуждало бюрократию поставить в такое же положение и рабочий класс, ведь в случае прямой зависимости доходов рабочих от результатов производства они стали бы активно требовать его эффективной организации от управленцев. Возникшее противоречие могло привести к серьезному социальному напряжению. Чтобы избежать этого, в советской системе были модифицированы (искажены, извращены) мотивации основного участника процесса производства — рабочего класса.

Стремясь обеспечить для себя максимально комфортные условия управления экономикой, советские капиталисты-бюрократы создали систему формирования доходов рабочих, слабо связанную с результатами производства. Проявлялось это, в частности, в непомерно широком распространении повременной формы заработной платы, при которой работник получает зарплату не за результат труда, а за время пребывания на рабочем месте. Одна из причин того, почему именно эту систему предпочитала советская бюрократия, заключалась в том, что работник переставал быть заинтересованным в интенсивном труде. Требования работников к уровню организации производства были на очень низком уровне, более того, порой они становились заинтересованными в плохой организации производства.

Сложилась специфические неформальные практики в рамках имевшей место сдельщины, которые фактически приближали ее к повременной системе. Так, действовала повсеместная практика урезания расценок в случае стабильного перевыполнения работниками плановых заданий. Данная ситуация, естественно, была известна рабочим. Их ответом стало строгое выполнение установленных норм, а также негативное отношение к любой модернизации производства, ибо она могла привести к зачастую неоправданному уменьшению расценок. Постепенно данная тактика стала неформальной нормой (традицией) производственного поведения советских рабочих. Ее нарушители — передовики и ударники производства — зачастую подвергались обструкции в рабочей среде, не без оснований опасавшейся, что их достижения могут быть использованы в качестве предлога для общего ухудшения условий оплаты труда. Таким образом, внедренные

советской бюрократией принципы формирования заработной платы привели к отсутствию заинтересованности рабочих в интенсификации и повышении производительности своего труда, тогда как нормальный капиталистический рынок труда воспитывает рабочую силу с совершенно противоположными качествами.

Важный фактор, формирующий отношение к труду при капитализме, — это безработица. Каждый работающий понимает, что в любой момент может оказаться на улице, и это делает его более сговорчивым в вопросах величины заработной платы, интенсивности и условий труда. Безработица для капиталистов является эффективным средством давления на работников. Работник трудится не только под влиянием позитивных санкций (получение заработной платы), но и в результате применения санкций негативных, важнейшая из которых — потеря рабочего места.

Совсем иная ситуация была создана на рынке труда в Советском Союзе. Стремясь продемонстрировать свое коренное отличие от капитализма, государственная бюрократия заявила о принципиальном отсутствии безработицы и провозгласила это в качестве одного из важнейших преимуществ социализма. Отсутствие формального статуса безработного (со всеми вытекающими отсюда обязательствами государства) вкупе с записанным в конституции «правом на труд», привели к тому, что в советской системе работника практически невозможно было уволить. Так государство отказалось от применения к плохим работникам действенных санкций.

В результате неинтенсивного труда сформировалась «скрытая безработица», предприятия не могли избавиться от балласта неэффективных, немотивированных работников, то есть содержали их за счет добросовестных тружеников. Это подрывало производственные мотивации последних. Возникло массовое явление, которое в институциональной экономической теории называется отлыниванием и отнесено к виду оппортунистического поведения.

Поскольку имеющаяся рабочая сила использовалась неинтенсивно и малопродуктивно, предприятия открывали все новые вакансии, на рынке труда спрос существенно превышал предложение, широко культивировался тезис о дефиците рабочей силы. Большинство работников могли легко найти себе аналогичное по условиям рабочее место на соседнем предприятии. Это еще более снижало их мотивации к интенсивному и производительному труду.

Советский рабочий на практике убеждался, что повышение интенсивности и производительности труда не приводило к соответствующему увеличению зарплаты и повышению качества жизни. Это создало мотивацию работников на неинтенсивный труд за низкую заработную плату. Такая мотивация была в интересах бюрократии: отсутствие запроса на интенсивный труд со стороны работников понижало и тре-

бования к качеству работы управленцев. Постепенно формировался своеобразный симбиоз между работниками и управленцами, в равной степени отлынивающими от интенсивного труда. В народе возникло выражение: «Мы делаем вид, что работаем, — они делают вид, что нам платят». Это выражение можно было бы использовать в качестве главного экономического лозунга того периода развития страны, который впоследствии был назван «застоем».

Улучшение своей жизни рабочие все больше связывали с различными формами оппортунистического поведения: отлыниванием (ставшим широко распространенным), воровством производственного оборудования, материалов, любой собственности предприятий, которая могла быть продана, обменена или как-то использована. Таким образом возникали «незарплатные» источники доходов. Особенно это процветало на предприятиях, производящих товары народного потребления. Администрации предприятий и в целом бюрократия смотрели на эти процессы сквозь пальцы. Проводившиеся время от времени кампании по борьбе с «несунами» имели в лучшем случае кратковременный эффект.

Советская бюрократия, создав условия для расцвета оппортунистического поведения рабочих и служащих в рассматриваемый период, не учредила каких-либо институтов для противодействия ему и не смогла пресечь его распространение. Отдельные попытки применения репрессивных методов для решения этой проблемы, предпринятые, в частности, в начале 1980-х годов с приходом к власти Ю.В. Андропова, не увенчались успехом. Разложение «основной производительной силы» стало одним из негативных «наследий» советской эпохи. Оно продолжилось и после гибели советского строя. По мнению В.Д. Патрушева, «в 1992 году, когда начались реформы по преобразованию экономической системы, в обществе царил эйфория... [казалось, что] разовьется чувство хозяина, возрастет инициативность, стремление добиваться лучших результатов, улучшится отношение к труду. К сожалению, ничего этого не произошло. Очевидное ухудшение отношения к труду, безусловно, ведет к снижению его интенсивности и производительности» [7, с. 194]. Для преодоления этой тенденции стране пришлось пройти через длительный и болезненный период слома старых стереотипов.

Выводы

В 1960–1980-е годы, стремясь придать капиталистическим по содержанию общественным отношениям социалистическую форму, советские идеологи преобразовывали их, создавая различные превращенные формы. Очевидно, что идеологические установки элиты повлияли на содержание реальных экономических отношений. В советскую государственно-капиталистическую систему были внедрены формальные институты, которые изменили, извратили мотивации

советской бюрократии и народа (работников) и таким образом выхолостили важнейшие капиталистические механизмы в экономике. Советский госкапитализм превратился в набор неэффективных экономических институтов, не способных ответить на вызовы истории и прежде всего — обеспечить модернизацию отечественной экономики. Это позволяет более точно характеризовать советскую систему как *извращенный государственный капитализм*.

Такая характеристика дает возможность выдвинуть альтернативу тем «реформам», которые были навязаны России в 1990-е годы и представлялись как переход от плановой экономики к рыночной. Однако если в качестве главной проблемы советской экономики рассматривать «извращенность» действовавших государственно-капиталистических институтов, именно приведение в соответствие формы и содержания советского госкапитализма позволило бы ему преодолеть имевшиеся трудности. И траекторией реформ стало бы не движение от централизма к рынку, а движение от извращенного госкапитализма — к нормальному. Именно этим путем уже почти сорок лет движется Китай. Именно на эту траекторию после многих заблуждений и великих потерь постепенно «выруливает» современное российское общество.

Открытым остается вопрос о способности государственного капитализма обеспечить инновационное развитие производительных сил, как это делал капитализм классический (либеральный). В настоящее время в мире появились авторитарные капиталистические системы, которые продемонстрировали высокую способность к инновациям. В связи с этим меняется отношение к либерализму как необходимому условию экономического развития. Как подчеркивает О.И. Шкаратан, «...десятилетиями преобладающим было утверждение, что либерализм и демократия являются обязательными предпосылками модернизации любой отсталой страны. Но за последние годы, на данном этапе динамики мировой экономики либеральный капитализм не подтверждает своих преимуществ по сравнению с авторитарными системами. Кризис конца нулевых годов укрепил легитимность авторитарных режимов, которые, как оказалось, при эффективном правлении вполне обеспечивают успешную экономическую динамику» (11, с. 106). Изучение условий симбиоза авторитарной власти и инновационной экономики становится одной из важнейших проблем экономической и социологической науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воейков М.И.* Теория способа производства. 20 лет спустя // Философские науки. 2012. № 1. С. 73–85.
2. *Ермилов А.П.* Курс российских реформ: от извращенного государственного к государственно-монополистическому капитализму // ЭКО. 2001. № 11. С. 97–116.

3. *Ермилов А.П.* Теория рыночного хозяйства. Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1993. — 411 с.
4. *Красин Ю.А.* Размышления о социализме // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 175–186.
5. *Медушевский А.Н.* Формирование правящего класса // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 36–49.
6. *Межуев В.* Социалистическая идея — шанс на будущее // Красные холмы: Альманах / Гл. ред. Н.Х. Исмаилова. М.: Издательский дом «Городская собственность», 1999. С. 215–236.
7. *Патрушев В.Д.* Показатели отношения к труду: 1986–1995 годы // Социологический журнал. 1996. № 3–4. С. 185–195.
8. *Спиркин А.Г.* Философия: Учебник. 2-е изд. М.: Гардарики, 2006. — 736 с.
9. *Фурсов А.И.* О некоторых западных теориях «реального социализма» // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 3. С. 81–93.
10. *Чубайс И.Б.* Советский социализм — неисследованное. Опыт теоретического анализа // Мир России. 2005. № 4. С. 162–191.
11. *Шкаратан О.И.* Социальная система, обращенная в прошлое (часть 2) // Социологический журнал. 2015. Т. 21. № 4. С. 80–119. DOI: 10.19181/socjour.2015.21.4.3032
12. *Яров С.В.* Привилегии «ответственных работников»: опыт официальной интерпретации в Петрограде в 1917–1921 гг. // Социологический журнал. 2005. № 1. С. 132–161.

Дата поступления: 19.09.2016.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL
2017. Vol. 23. No. 1. P. 111–125. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.1.5004

A.P. ERMILOV

Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Novosibirsk, Russian Federation.

Aleksey P. Ermilov — Doctor of Economic Science, Professor, Leading Research Fellow, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Address: 17, Acad. M.A. Lavrentiev ave., 630090, Novosibirsk, Russian Federation.
Phone: +7 (913) 787-22-73. **Email:** ermilov_ap@rambler.ru

WHY WERE SOVIET SOCIAL INSTITUTIONS IMMUNE TO TECHNOLOGICAL INNOVATION

Abstract. The Soviet economic system of the 1960–1980’s can be characterized as state capitalism. However, this fails to explain many important properties of the system, primarily — its inability to introduce new technologies at a large scale, in contrast to classic capitalism. We attempted to identify that specific feature of Soviet society which affected the efficiency of state-capitalist institutions. We consider such pseudo-form, in which the Soviet “socialist” government was forced to invest these institutions.

Because of this the essence of the Soviet economy should be defined as “perverted state capitalism”. An effort to give state-capitalist relations a socialistic form lead to their content becoming perverted and diluted, in other words — significantly reduced in terms of efficiency. This lead to the distortion and weakening of the capitalist motivations of key economic actors — nomenclature and workers. Eventually the Soviet economy turned into a collection of constantly inefficient institutions, which were not able to provide accelerated innovative development.

Keywords: means of production; Soviet social institutions; technological innovation; state capitalism; the essence of socialism; labor market during socialism; the Soviet bureaucracy (nomenclature); the system of privileges; unemployment; work motivation.

For citation: Ermilov A.P. Why were Soviet social institutions immune to technological innovation. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2017. Vol. 23. No. 1. P. 111–125. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.1.5004

REFERENCES

1. Voeikov M.I. Theory of the mode of production. 20 years later. *Filosofskie nauki*. 2012. No. 1. P. 73–85. (In Russ.)
2. Ermilov A.P. The course of Russian reforms: From perverted state to state-monopoly capitalism. *EKO*. 2001. No. 11. P. 97–116. (In Russ.)
3. Ermilov A.P. *Teoriya rynochnogo khozyaistva*. [Theory of market economy.] Novosibirsk: VO “Nauka”, Sibirskaya izdatel'skaya firma publ., 1993. 411 p.
4. Krasin Yu.A. Reflections on Socialism. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 1995. No. 1. P. 175–186. (In Russ.)
5. Medushevskii A.N. Formirovanie pravyyashchego klassa. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 1995. No. 4. P. 36–49. The shaping of Ruling Class (In Russ.)
6. Mezhuiev V. The socialist idea is a chance for the future. *Krasnye kholmy: Al'manakh*. Ed. by N.Kh. Ismailova. Moscow: Izdatel'skii dom “Gorodskaya sobstvennost” publ., 1999. P. 215–236. (In Russ.)
7. Patrushev V.D. Indicators of the Attitudes to work: 1986–1995. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 1996. No. 3–4. P. 185–195. (In Russ.)
8. Spirkin A.G. *Filosofiya: Uchebnik*. [Philosophy: A Textbook.] 2nd ed. M.: Gardariki publ., 2006. 736 p.
9. Fursov A.I. About some Western theories of “real socialism”. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2014. No. 3. P. 81–93. (In Russ.)
10. Chubais I.B. Soviet socialism is unexplored. The experience of theoretical analysis. *Mir Rossii*. 2005. No. 4. P. 162–191. (In Russ.)
11. Shkaratan O.I. Social system, facing to the past (Part 2). *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2015. Vol. 21. No. 4. P. 80–119. (In Russ.) DOI: 10.19181/socjour.2015.21.4.3032
12. Yarov S.V. Privileges of ‘responsible officials’: An experiment of officious interpretation in Petrograd of 1917–1921. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2005. No. 1. P. 132–161. (In Russ.)

Received: 19.09.2016.
